

Кубань. Фотограф С. РАКНИНА

ТАК СЛАВЬСЯ, ВЕШНЯЯ ПОРА!

Весна! Среди ее примет В простор выходят трактора.
Нам одинаково близки Цветами залиты сады.
И трактора глубокий след, Так славься, весняная пора,
И нежных яблонь лепестки. Пора цветенья и страды!

ЛИТЕРАТУРА И МОЛОДЕЖЬ

ОТ ПИМЛЯНСКОГО моря дует свирепый ветер, гонит снежную пыль по улицам Волгодонска. Каждый камень на обочине дороги курится белым дымом, снежные смерчи, покурившись, убегают в белесую степь. Базальд бы, в такую непогоду, да еще на высокой площадке строящегося корпуса промышленного комбината не до литературных бесед. И все же она возникла: в затихше, во время перекура. Красноватый пожелтый каменистый, потягивая из букача табачное тепло, сказал степенно: — Читать любим, — и начал называть недавно вышедшие и уже прочитанные им книги, журнальные статьи. — С критикой у вас что-то не ладится, — прищурил он смеющиеся глаза, — то хвалите за что до небес превозносите, то с маха ругаете — одна шебенка остается! Яности б рабочей побольше. Несколько глубоких затажек, и снова: — У нас, между прочим, свой пост есть... Вой, прачется за меня... Худой студуловый Коля с такими длинными кистями рук, что ватные на нем кажутся кучкам, на просьбу товарища прочесть свою повесть смущенно отводит: — Да что ж читать? Я ее в «Комсомолку» послал. Ответили: неплохо, но с припевом недоработка. — Сокрушено вздохнул. — Доработал — еще хуже стало. Все рассмеялись. — Самокритический, — усмехнулся пожелтый каменистый. Условившись, что вечером встретимся в общежитии и продолжим разговор.

В КОРРИДОРАХ общежития — веселая суета, знакомые молодые лица: старей Морозов, жестяничник Чупикин, слесарь Иванов... — Пришли? — спрашивает меня до пояса голый летчик, с чалмой из полотно, и приставив ладони к губам, кричит что есть силы: — Все со своими стельками в красный угол! — И оляпы: о книгах, о том, что ищут и что находят в них, о любимых героях. — «Продолжение легенды» Анатолия Кузнецова — вот это книга! О нас. И так, как есть в жизни. — Что особенно приятно, — заметил я, — писателю всего-то двадцать девять лет. — Двадцать восемь, — поправляет паренек в синем свитере и лыжных штанах. На румяном лице его играет немного застенчивая улыбка. — Главное, — говорит он, — не прислушивал нашу жизнь. А прочтешь, и на сердце светло, и хочется самому быть лучше... — Больше надо о недостатках писать! — воскликнул, приподнявшись с дивана, молодой паренек с тонкой петишиной шей. — Давать теньевые стороны.

В СУБОТНОМ НОМЕРЕ:

- ★ Беседы с лауреатами Ленинских премий.
- ★ Павел Нилин. Главы из новой повести.
- ★ Борис Изюмский. Литература и молодежь.
- ★ Александр Прокофьев. Новые стихи.
- ★ Е. Лопатина. Острые локти.
- ★ Микола Упеник. Заметки писателя.
- ★ Почта писателя. Ираклий Абашидзе.
- ★ О простоте и приватности.
- ★ Фельетон. Десятая глава.
- ★ Время, события, люди...

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Год издания 30-й. № 50 (4016)

Суббота, 25 апреля 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза — великая вдохновляющая и руководящая сила советского народа в борьбе за построение коммунизма!

(Из Призывов ЦК КПСС к 1 Мая 1959 г.)

ЗА РУБЕЖОМ

События и комментарии

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ИСКРЕННОСТИ

ИДЕЯ созидающей дружбы четырех держав — ликвидировать «холодную войну», создать здоровые взаимоотношения между государствами, установит прочные мирные связи и дружбу.

Именно этим желанием руководствуется Советский Союз, изложивший свою позицию в опубликованной на днях ноте Советского правительства правительству США.

Однако на Западе кое-кто еще до сих пор делает ставку на ухудшение обстановки. Проводники агрессивных взглядов не менее упорны, чем легендарный английский король, сидевший на берегу моря и повторявший приказ: «Волны, оставившись», Советский Союз, говорит он, требует мира. А не скрывается ли за этим «здоровый план» нашего уничтожения? И, опираясь на эти нелепые измышления, требуют гонки и разоружения, провозглашают «позицию силы» и «холодной войны».

Разговор об истинных намерениях Москвы — это в конечном счете разговор об искренности. Ну, что ж, об искренности поговорить полезно. Но только основываясь не на туманных соображениях, которые напоминают известный спор о том, сколько ангелов может уместиться на острие иглы, а опираясь на действительные факты.

Так, как это, в частности, и сделано в последней советской ноте.

Что же говорят факты? На протяжении длительного времени Советский Союз добивался встречи четырех держав, выдвигая конкретные предложения о мирном договоре с Германией, о превращении Западного Берлина в вольный демилитаризованный город и многие другие. Западные державы не выдвинули никаких конструктивных предложений. Они твердили «нет» — такое количество раз, что для тонкого подсчета не обойтись без электронной машины.

Наконец согласован вопрос о созыве 11 мая совещания министров иностранных дел четырех держав, за которым последует встреча глав правительств. Кажется бы, надо сделать все возможное, чтобы улучшить обстановку, облегчить возможность соглашения. Советский Союз считает это своим долгом. Но по-прежнему остался этому руководителю Атлантического блока. Они, по существу, продолжают пренебрегать клятву «холодной войны», проводят односторонние акции, которые не могут содействовать успешному содействию.

Ведь это факт, что в настоящее время формируются планы широкого ядерного вооружения членами НАТО. Ракетные установки размещаются на территории Италии, Греции, Турции и некоторых других стран. Американский журналист Раймонд, захлебываясь, пи-

литератор

ПО МАРШРУТАМ СЕМИЛЕТКИ

НЕИЩЕРПАЕМЫЙ ТВОРЧЕСКИЙ РОДНИК

Писатели Саратова часто встречаются с бригадами коммунистического труда, с передовиками колхозных полей. Саратовским книжным издательством совместно с отделением Союза писателей готовится к печати серия брошюр-очерков о героях семилетки. О тружениках полей и животноводов Саратовщины пишут С. Розанов, И. Тольский, Б. Декатов, о строителях Балаковской гидроэлектростанции — Б. Быстров. Прозанна Г. Вороникова увлек труд строителя сооружающегося моста через Волгу, который соединит Саратов с гор. Энгельсом.

САРАТОВ. (Наш корр.)

В ГУЩЕ ЖИЗНИ

Никакой творческой фантазией не воспользись недостатка жизненных наблюдений. Работая над новым романом, это явственно ощутил молодой кубышевский писатель Иван Арсентьев. Тогда и родился у него идея: автор повести «Суровый воздух» и «Трудное счастье», обратившись на себя внимание читателей, поступил рабочим на один из волжских нефтепромыслов.

Образы сельских коммунистов уже много лет привлекают другого кубышевского литератора-очеркиста И. Горюнова. Последнее время писатель работал в деревенской «глубинке». Собирая материал для очерков, он работал нештатным инструктором райкома партии.

Горячее стремление быть в первых

Беседы с лауреатами Ленинских премий

Наши корреспонденты обратились к лауреатам Ленинских премий Н. Ф. Погодину и В. П. Соловьев-Седову с просьбой рассказать о дальнейших творческих планах.

Николай Погодин:

Быть может, моим читателям и зрителям, знакомым со мной на протяжении трех десятилетий как с драматургом, будет интересно узнать, что я вот уже около года пишу прозу. Первые страницы моего романа «Янтарное ожерелье» были опубликованы в «Литературной газете». Сейчас уже написаны восемь или девять печатных листов этого романа, и он обещает вырасти в большое по размерам произведение. Я пишу в нем о скромных рядовых советских тружениках.

Главное действующее лицо романа — девушка, почти подросток. Она только что окончила среднюю школу и хочет идти в жизнь своим трудным путем. Она не похожа на тех людей, которые не очень-то любят утруждать себя, а привыкли брать готовое да еще к тому же требовать это готовое без всяких на то оснований. Мой роман — о чувствах, мыслях нашей молод-

В. Соловьев-Седов:

Трудно выразить сейчас во всей мере те большие чувства признательности и благодарности, которые я испытал, узнав, что мои песни отмечены почетной наградой — Ленинской премией.

Эта — огромная честь. Это обязывает к многому, и прежде всего к тому, чтобы работать лучше, напряженнее. Что я делаю сейчас? Конечно, продолжаю писать песни, музыку для кино. Но, пожалуй, самое главное мое дело в настоящее время — это новый балет «Фестиваль». Его героиня — простая итальянская девушка Пеллини, побившая советского моряка. В музыке рассказать о дружбе людей разных стран, о борьбе их за свое счастье, о торжестве сильной и чистой любви. Эта тема у меня родилась в связи с впечатлениями от Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве и от поездки по Италии, которую я недавно совершил.

Борис Изюмский

кончила я чтение коллективного дневника одной студенческой группы. В дневнике этом, захлебываясь от гордости, студенты рассказывают, как поработали они прошедшим летом в виноградарском совхозе. Было трудно вставать на зорьке, выполнять нормы, но и радостно от сознания приносимой пользы. Меня надолго заставила задуматься одна фраза в этом дневнике: «Мы уже знаем, как трудиться, но еще недостаточно разбираемся, как строить отношения с товарищами, дома, как жить по-новому...»

В КАНУН III съезда писателей все время думается о молодежи: о чем писать для нее? Недавнее участие в переписи населения, когда своими глазами перебрал множество домашних библиотек молодых рабочих, своими ушами услышал часто повторяемое «сучусь в вечерней школе», «заочник», — еще более утвердило в мысли: книгами своими надо помогать им жить.

Не верьте тем, кто заявляет: «Наша молодежь только и читает детектив». Наговор это! Молодые люди ищут в книгах ответа на вопрос: как лучше, полезнее, красивее построить свою жизнь? Они допытываются: что такое счастье? Из рук в руки передают книги, которые учат этому.

Сейчас, когда возникают бригады коммунистического труда, — в маленьком Волгодонске их уже 18 борется за право так называться, — поиски молодежи «как жить?» стали еще настоятельнее. Потому что понимают, чувствуют: извечные темы любви, чести, дружбы, совести, верности обрели несравнимо более глубокий смысл; потому что искренне хотят развивать свой вкус, свои нравственные качества.

Вот паренек старательно выписывает из книги Льва Николаевича Толстого: «Человек есть дружба. Чистейшее это качество человека; знаменатель — это оценка человеком самого себя. Увеличить своего числителя — свои достоинства, но во власти человека, но всякий может уменьшить своего знаменателя — свое мнение о самом себе, и этим уменьшением приблизиться к совершенству».

Наверно, эти слова на всю жизнь запядают в сердце юноши. Нет, не надо бояться правоучительности книг для молодежи! Ненавидеть нудную назидательность, мейнштоу, но не правоучительность в самом высоком и благородном смысле этого слова, как обучение новым нравам.

И разве не высшая награда для пишущего, если из его книг делают выписки в зачетные тетради?

Иной пожилой человек, сталкиваясь с грубостью, невоспитанностью молодежи, начинает причитать: «Ах, огурубелость нравов! Где была почтительность?.. Вот в наше время...»

Таковыми вздохами делу не поможешь. Наша партия объявляет борьбу за общественный порядок, и в этой борьбе надо не ныть и сопереживать, а помогать. Советский писатель всегда был пропагандистом идей коммунистической партии. Сейчас эта его роль неизмеримо возрастает. Грандиозные планы семилетки, близость рубежей коммунизма, стремление прийти к нам настоящим Человеком, — все это возлагает на писателя новые воспитательные задачи.

НАВСТРЕЧУ ДНЮ ПЕЧАТИ

БОЛЕЕ четырехсот человек собралось в зале Выборского дворца культуры на конференцию читателей «Литературной газеты». Здесь были рабочие и инженеры ленинградских предприятий, писатели, работники школ, вузов, библиотек, учащиеся молодежи. С сообщением о работе и планах редакции выступил главный редактор «Литературной газеты» С. С. Смирнов.

Затем завязался живой разговор, в котором были затронуты многие стороны деятельности редакции. Читатели сделали ряд серьезных критических упреков в адрес газеты. Они подчеркивали, что одна из главных задач газеты — расширить свои связи с писателями и читателями, ярче показывать труд и жизнь советских людей, их борьбу за осуществление семилетки. Почему бы, например, не создать сеть коллективных корреспондентов газеты из участ-

ников местных литературных объединений и кружков, работников библиотек?

Читателям хотелось бы чаще видеть на страницах «Литературной газеты» острей выступления по вопросам международного журналиста, подобные статьи и памфлетам Н. Грибочева, больше должно появляться статей на морально-этические темы, материал в защиту нашей богатейшей природы и т. п. Необходимо продолжить и обсуждение вопросов о языке, о мастерстве писателя. На это в своих выступлениях обратили внимание рабочий А. Зимин, инженер И. Кудряшов, Б. Александров, комсомольский работник Л. Окунов.

Многие из участников конференции справедливо указывали, что газете следует глубже, полнее освещать явления литературной жизни. Аспирант педагогического института А. Фридман пред-

ложил возродить на страницах «Литературной газеты» дискуссии о наиболее значительных литературных работах. Такая форма широкого обсуждения поможет читателям лучше разбираться в достоинствах и недостатках новой книги. Студент В. Тесленко высказал пожелание систематически публиковать в газете материалы, посвященные проблемам эстетического воспитания, организовать «Трибуну молодого литератора». Эти предложения поддержала и писательница В. Панова, критиковавшая газету за недостаточное внимание к литературной молодежи.

На конференции выступили также писатели Д. Гранин, Б. Кежун, читатели Е. Лушкова, В. Темкина, Д. Беляков, Л. Грудников, С. Носов, И. Айзенштадт.

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.)

Конференция читателей в Ленинграде

НАВСТРЕЧУ ДНЮ ПЕЧАТИ

БОЛЕЕ четырехсот человек собралось в зале Выборского дворца культуры на конференцию читателей «Литературной газеты». Здесь были рабочие и инженеры ленинградских предприятий, писатели, работники школ, вузов, библиотек, учащиеся молодежи. С сообщением о работе и планах редакции выступил главный редактор «Литературной газеты» С. С. Смирнов.

Затем завязался живой разговор, в котором были затронуты многие стороны деятельности редакции. Читатели сделали ряд серьезных критических упреков в адрес газеты. Они подчеркивали, что одна из главных задач газеты — расширить свои связи с писателями и читателями, ярче показывать труд и жизнь советских людей, их борьбу за осуществление семилетки. Почему бы, например, не создать сеть коллективных корреспондентов газеты из участ-

ПРОЙДЕТ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ...

ГОДА через три-четыре в Москве можно будет наблюдать такую картину: приежит подходит к миллионнику и спрашивает: — Если не ошибаюсь, на этом самом месте, где сейчас разбит сквер, был завод? Где же он?

— Переехал. Его новый адрес: Крюково, город-спутник.
Этот город возникнет около Москвы, и туда переедут из столицы десятки заводов и фабрик. Здесь поселится люди самых различных специальностей: машиностроители, электротехники, швейники, строители, полиграфисты... Да, да, мы не говорим, — именно полиграфисты. Ведь в Крюково построит крупный полиграфический комбинат иностранной книги. Он будет выпускать книги и журналы более чем на шестидесяти языках народов мира. Новый комбинат проектируется Институтом Гипрополиграфизма Министерства культуры СССР.

Город-спутник рассчитан на 65 тысяч жителей. Собственно, это будет административный район Москвы, но только отстоящий от нее на 40 километров. И его жители смогут быть частыми посетителями столичных театров, музеев, стадионов. Вместе с тем они смогут, и никакая не выезжая, интересно провести свой досуг. Помимо нескольких кинотеатров и клубов, город-спутник будет иметь большой зал, предназначенный для различных торжеств, спортивных соревнований, концертов, спектаклей, три библиотеки, парк культуры и отдыха.

Новый город будет богат зеленью. Если его застройка территории займет около 800 гектаров, то примыкающая к ней лес — больше тысячи.

Для любителей спорта строители соорудят стадион с тренировочными помещениями, перекроют плотину реки Сходню, чтобы создать искусственное озеро с открытым плавательным бассейном и пляжем.

Проект планировки и застройки нового города разработан в мастерской № 14 института «Моспроект» в составе главного инженера-архитектора Игорем Евгеньевичем Рожкиным. Скоро макет города-спутника совершит путешествие через океан — он будет экспонироваться летом нынешнего года на советской выставке в Нью-Йорке.

На месте будущего города начнутся строительные работы. Пройдет несколько лет, и на «обрубок» выйдет еще один спутник — спутник нашей родной Москвы.

На публикуемом нами рисунке архитектора Н. Стужина показано, как примерно будет выглядеть полиграфический комбинат в городе-спутнике.

В. ЛАММ

активное участие общественности в борьбе против хулиганов, нарушителей общественного порядка. «Острые локти» не сквернословят на улице, не пристают к женщинам, не бьют окон, не угрожают ножом, не развешивают зловещие надписи, не принижают обществу? И разве здесь не нужен тот же самый «лохотун»? Вместе с «острыми локтями» следует призвать к порядку и тех, кто находится на служебном посту, вольно или невольно, по слабости характера или по корыстной цели, помогает им теснить и обходить честных людей: касается ли дело квартиры, путевки на курорт или других вещей, более важных и значимых.

«Острые локти» — зло большое, но, конечно же, олоимо. И тут, к слову, мне вспоминается другой, уже забавный случай, касающийся нашего брата-писателя.

Недавно группа таджикских литераторов выезжала в отдаленный район. Выступая перед читателями, кто-то из прозаиков сделал критическое замечание в адрес своего собрата по перу, что в его романе отрицательные герои получили ярче, чем положительные.

Один из читателей — прекрасный прозаик, писатель, но как видно, человек, не искусственный в литературе, просто душно сказал:

— А, может, автор и не виноват? Наш положительный герой — он скромный, он вперед не лезет, писатель же сразу не может разглагольствовать. А отрицательный герой — он нахальный, он ярко себя проявляет, он всем глаза молотит...

Пришла пора помешать отрицательному герою молотить всем глаза, наступать на ноги, расликовать всех локтями не только в жизни, но и на страницах наших книг. Пусть тут и там почетное место безоговорочно и безраздельно принадлежит подлинным героям наших дней — труженникам, энтузиастам, романтикам, самоотверженным борцам за коммунизм.

ДЕСЯТАЯ ГЛАВА

ДРУЗЬЯ меня предрекли. Десать раз подумай, прежде чем браться за эту тему.

И вот я взвешиваю все за и против. — Опять Гуторов? — спрашивают себя. — Надо ли о нем писать после всего, что было? — А что, собственно, было? Только рецензия... — Да, не, какие рецензии! Сигналы о бедности. «Гараул, гараул, не сылае на первострочники!» Что из книги — скандал, переполох в науке. — Мало ли что. Ну, цитировал. Не всегда в кавычках. Зато вызвал споры, дискуссии, горячее обсуждение. Это хорошо, когда дискуссии.

— Какие там дискуссии! Цитирует Гуторов стихотворение, в котором упоминаются Том и Куба. Два рецензента утверждают, что Том — негр, а Куба — остров. Как, вот так, Куба — остров или не остров?

— Допустим, остров. Что из этого? А то, что Гуторов принял Кубу за женщину, за жену Тома. Поляк стихи хотворение Маяковского таким образом, что американский мастер заразил Тома, Кубу и всю их семью.

— Ну, зарпортовался. Допустил отдельную неточность.

— Песню о блохе кто написал? — Это которую Шалапин пел? Блоха? Ха-ха-ха! Мусоргский.

— А Гуторов утверждает, что это аррия из оперы «Фауст».

— К чему эти подковырки? Ну, допустил человек еще одну отдельную неточность. В конце концов, в куплетах Мейфострелы тоже ха-ха есть. Люди гибнут за металл, а мы ищем блок. Важно другое. Какова общая направленность?

— Так об этом речь. Было девять рецензий. Авторы разные, писали в разные годы, в восьми органах печати, про четыре разные работы. А выводы, оценки совпадают. Чего стоит один заголовки! «Поверхностная книга о Маяковском». «Псевдонаучная книга». «О казахских и якутских». «По верхам». «Даже перенести невозможно, не то, что усвоить...»

— Это что за заголовок? Криливо.

— В заголовке вынесена фраза из сочинения Гуторова.

— Тогда понятно. И вовсе не криливо, да же трогательно. Только по заголовку будет судить о содержании. Это нечто верхоглядство. Важно, что говорится в тексте рецензий. И потом, кто они, эти критики? Само то они как, внушают ли не внушают?

— Авторы все почтенные. Вот список. По алфавиту: П. Агеев. А. Анастасьев. Д. Силаев. В. Жданов. М. Кузнецов. А. Благый. В. Тимофеева. В. Турбин. Г. Черемин. А вот выдержки из рецензий. Тоже по алфавиту.

— Поверхностная компиляция из различных, зачастую противоречивых мнений. Путаные, бессмысленные определения. Псевдонаучность (П. Агеев).

— Странная смесь заимствованных из чужих рук воинствующих полужанов, далеко идущих претензий и полной неискренности в области научно-исследовательского анализа (Д. Благый).

— Малоработное, антинаучное сочинение. Полное пренебрежение к истине, чудовищная небрежность, отсутствие всякого представления о принципах и нормах научного исследования (В. Жданов).

— Вся книга производит исключительное сумбурное и хаотическое впечатление. Есть в ней, пожалуй, одно последовательное стремление: набрать как можно больше цитат (М. Кузнецов).

Стоп! Мы тоже начали злоупотреблять цитатами. Поэтому опустим выдержки из пяти столь же лестных рецензий.

РАЗУМЕЕТСЯ, критические выступления печати не могли остаться без последствий. Были сделаны соответствующие организационные выводы. Гуторову сильно досталось. Ему досталось заведующий кафедрой в Белорусском университете. Еще досталась ученая степень доктора филологических наук. Еще пришлось стать членом-корреспондентом Академии наук БССР. Словом, чем тяжелее рецензия, тем выше научный чин.

Профессор Гуторов не стал тратить время на защиту своих «теоретических позиций», не ответил в печати ни на одну из десятка рецензий. Он перешел в контратаку, рассылая письма, содержащие далеко идущие предположения касательно истинного лица данного критика.

И с удивлением замечает, что Шумаков все перебрался на этот край стола. Он сидит теперь напротив Торопова рядом с Подуззовым и, выгибаясь огулом, держит его двумя пальцами с особой осторожностью, будто огулец из холодный, а горячий.

Закусив, Шумаков обстоятельно вытирает салфеткой губы и вдруг ни с того ни с сего, заговаривает с Подуззовым о кислородном дутье. Лицо у Шумакова становится озабоченным, будто он не только что в веселой яростно кричал «горю», Он приглашает Подуззова обязательно завтра прийти на бюро, где снова будет разговор о некоторых просчетах, связанных с кислородным дутьем.

О кислородном дутье спорят на доменном вту уже третий месяц, после того как приехала делегация из Запорожья. Торопову всегда казалось, что он сам больше всех заинтересован в этом деле. Но сейчас ему диним кажется, что Шумаков завел здесь этот разговор. И странно, что Подуззов, все время сидевший молча, вдруг ожил, когда услышал о кислородном дутье.

И Моисеевко оживился.

Завтра, Иннокентий Егорыч, мы тебя серьезно разберем на бюро, — говорит Моисеевко Торопову. И смеется.

Торопов молчит. Он не может понять, почему смеется Моисеевко. Он и не хочет догадываться. Ему совсем безразлично сейчас кислородное дутье. И он совершенно, о чем рассказывает вместе с ним сидевший Вышывалов. Хотя еще вчера Торопов хотел специально зайти к нему и расспросить об Индии, откуда Вышывалов вернулся на днях.

— Боским работай, — говорит Вышывалов. — Жара невероятная. Все время находишься, как в бане. На что уж мы, доменички, ко всякому жару привычные, но эту жару мало кто может выдержать... И бедность ужасная. Уж такая бедность, такая бедность, что просто смотреть на людей обидно.

— А все-таки строй свой завод, металлургический! — поднимает палец Шумаков.

— А как же, — говорит Вышывалов. — Молодчина. Понимают. Меня спервоначала все за англичанина принимают. Я же там в шланге ходил. В инжман магазине купил шлангу. И многие на меня так зверем смотрели, предполагают, что я, может быть, англичанин, а потом, как сообразили, что я русский, совсем другое дело... — Да какой ты русский, — смеется Моисеевко. — Ты же типичный хохол... — А это не имеет никакого значения. Мы все там считаемся как русские, кто бы от нас ни приехал. Вот, я говорю, когда они сообразили, что я русский!

— Грысь! кричит кто-то прямо в ухо Торопову. Торопов оглядывается и видит жену.

Неужели он все это писал всерьез? Нет, не мог он просто так, напи как-то нелепых стремлений, ралика несколько неграмотных трудов.

«В своих работах, убеждениях, суждениях и произведениях Толстого резко критиковал...»

Наверно, такие фразы — тонкая остроумная пародия. Гуторов всякой манерой писать стремится озадачить, повернуть в недоумение.

В ДРУГ Гуторов взял, да и опубликовал якобы сохранившийся изустно в народе текст сожженной десятой главы «Евгения Онегина». Только тогда впервые было высказано предположение — не шутка ли все это?

Шутка получалась какая-то странная. Ведь знал Гуторов, что опубликованные им стихи отнюдь не передавались из уста в уста в течение столетий. Он отвлёк от истины не столько в целях научных, сколько в целях юридических. Декрет «Бескорыстный» текст прибудил к Гуторову.

Гуторов отвлёкся и от другого обстоятельства. Несколько лет назад пушкинские стихи пришли к выводу, что данный текст является подделкой.

Доводы пушкинские можно опровергнуть. Гуторов этого не сделал. Не счел нужным хотя бы побеседовать с людьми безымянными, которые первым заявили о своей находке.

Почему же профессор Гуторов отвлёкся от простейших норм этики? Расчет тут неслезный. А вдруг текст вставлен подлинный? Тогда честь и слава достанется Н. В. Гуторову. А если текст не подлинный? Что же, не беда, зато удлинителю Гуторову.

Гуторов не удержался в исследовании, трижды — в «Ученых записках», в газете «Минская правда», в отдельной книге — тиснул «пушкинские» стихи и рассуждения о них. Заявив, что подобные стихи мог написать, да еще «логически зарифмовать» (!!) только Пушкин, Гуторов, однако, позволил себе править текст и вклянул туда ряд нелепостей, вроде рифмы «строф — Беннедорфа».

Негодующие рецензии, очередные упреки в невежестве не смущили члена-корреспондента. Он смеется над читателями, над критиканом, над учеными, над наукой. Он обвинил своих критиков в отсутствии любви к... Пушкину.

Н. В. Гуторов а еще одна книга. Литературоведовы знают, чем вновь порадовал Иван Васильевич.

«... в ранних рассказах Горького, за исключением двух-трех случаев, боским ругаются вполне цензурными словами. ...Но совсем непонятно, антигостетично и неэтично, что в «Разгрома» Фадеева, «Железного потока» Серафимовича, «Брусках» Панферова и некоторых других видных произведений советской литературы... имеются грязные слова. Не говоря уже о некоторых статьях окололитературных критиков, доходивших до прямого глумления, трюирования и издевательства над негодными им авторами».

Гуторов, видимо, решил печатно шутануть всех своих критиков. Но «совсем непонятно, антигостетично и неэтично» что за слово он пытался ханжески, объявлять неприемлемым. Фадеева, Панферова и Серафимовича.

Впрочем, неожиданные скачки мысли вообще свойственны самолюбивому слогу доктора филологических наук. Особенно любопытны его наблюдения над жанром романа: «Есть романы в виде... письменных переписок (Достоевский)».

Далее он сообщает: «Особенно много характеризующих фамилий у Чехова». И приводит список «...Намаштырина, Муркин, Запуньрин, Отумелов». Про Отумелова это верно, но при чем здесь Запуньрин?

Гуторов знает то, чего не знает никто. Зато он не знает того, что знает все. Советские забыли старинную поговорку: «ВАН да ВАН!»

Критики — они рассматривают каждое сочинение Гуторовым «Ч. П.» в отдельности. ВАН — он мог бы рассмотреть и в совокупности. Впрочем, не будем забегать вперед. На новую книгу Гуторова рецензий еще не было. А вдруг рецензия окажется отрицательной?

Что произойдет после десятой рецензии, десятой главы «Мисьянских переписок»? Какое еще звание получит доктор филологических наук?

Александр ЛАЙЦ

ОСТРЫЕ ЛОКТИ

Е. ЛОПАТИНА

В разгар лета вы идете в железнодорожную кассу. Над окошком объявление: «Платкартные мест 10, маг-ных 4».

Вы считаете стоящих впереди себя и спокойно ждете, пока придет ваш черед. Но когда вы готовы протянуть деньги кассиру, чьи-то локти отодвигают вас в сторону и — последний билет оказывается уже не в вашем кармане.

Вы болны. Врачебная комиссия даст вам заключение о необходимости лечиться в санатории. Вас заверяют, что путевка обязательно будет. Вы строите планы: что вам повидать, что почитать во время поездки. И вдруг в последний момент оказывается, что ему удалось перехватить вашу путевку.

Мы не прочь посудачить об этих наглых, побрякущих, повозмущающих нам, но часто не отдаем себе отчета в том, что вина за все это лежит только на нас.

Ведь тогда, на автобусной остановке, никто, ни один человек даже не попытался активно воспрепятствовать «острыми локтями» нарушить порядок, никто не остановил нахала, не дал ему понять, что перед ним — большой ли, малый ли — коллектив советских людей, с которым надо считаться, который следует уважать.

Ведь во всех других случаях «острые локти» поутверены так окружающими и в своей безнаказанности.

Сегодня, как, например, в случае с гостиницей, они выбивают из колеи, нервуют одного человека. Завтра, переехав незаконно квартиру, лишают покой и работоспособности целую семью. Наконец, они начинают нарушать интересы целого учреждения, и тут обычно окружающие спохватываются, перестают делать вид, что их это не касается, пытаются схватить «острые локти», но... сделать это теперь уже труднее — болезненно запущена. Практика уступок жестоко метит за себя, и прежде всего метит тем, кто ее так долго придерживался.

В ПРОШЛОМ году зимой мне как корреспонденту позволила женщина.

— Нас травят... нас доводят до самоубийства... — плача твердила она.

Время было позднее, за окном свистел ветер, струи дождя били в стекла. Но если в такое время, в такую погоду люди просят о помощи — значит, помочь им действительно необходимо.

— Давайте встретимся, — сказала я. И вот они пришли: маленькая женщина в облезлой меховой шубке и бесформенной шляпке на седых волосах, с нею муж — худой, высокий, благообразный.

Они стали рассказывать. Вернее, рассказывать стала она, и не рассказывать, а выплывать брань, изрыгать оскорбления, подобно тому, как в известном сказке грубиянка с каждым словом изрыгала жаб и гадов. Муж с благовым лицом и умильной улыбочкой клевал головой в подтверждение ее слов, нередко вставала слышимый голосом: «Анна Ивановна говорит самую правду».

Супруги работали в научном учреждении. Работали, как они утверждали, не покладая рук, за себя и за других. И ропов даже не улыбнулся. Он сел на пододвинутый Николаевым стул и опять прикрыл глаза набрякшими веками, будто и в самом деле его ослепил слишком яркий свет. И, пожалуй, невозможно было бы с точностью определить, что произошло с Тороповым, что подействовало на него с такой внезапностью: глаза ли невесты, голос ли ее или все, вместе взятое.

Невеста присела и опять подиалась: — Вам можно положить салат? Вы кушаете салат?

Это она спрашивала Торопова. А он ей ничего не ответил, только молотил головой. Кушаю, мол, конечно, кушаю. А что же делать?

Она взяла его тарелку и стала из блюда накладывать салат, наклонив над столом красную голову в пышных золотистых волосах. И опять Торопова поразило ощущение яркого света. К свету присоединился нежный и сильный, тревожащий душу запах каких-то, должно быть, дорогих духов.

— Кушайте, пожалуйста, Иннокентий Егорыч. Вот еще семга...

Семгу она подложила вилкой, просела через стол и положила на тарелку Торопова. Конечно, она точно так же положила салат, семги на тарелку Подуззова и Моисеевко, и на тарелки других гостей, сидевших недалеко от нее. И никто, наверное, кроме Торопова, не испытывал при этом особого волнения. А Торопов волновался. В то же время чувствовал внезапную скованность в движениях, внезапную робость, что ли.

Ну, хорошо, поднялся Подуззов. И боково расправил пушистые усы. — Давайте в таком случае выьем за молодых. За счастье семейной жизни.

Все встали. Над столом зазвенели бокалы. Торопов тоже встал, тоже поднял бокал и чокнулся сперва с женихом, потом с Подуззовым.

— А со мной! — засмеялась невеста и, взяв Торопова за локоть, приблизила его бокал к своему и в упор обдала удивительным взглядом, отчего Торопов опять прихрипелся: — За ваше здоровье...

— Да что ж, за мое-то здоровье, — почти обиделся Торопов. — Мое здоровье в порядке. За вашу... За ваше... За вашу, словом, красоту...

вдруг новый директор стал притеснять их, стал выживать их, чтобы взять на их место жуликов и прохиндиков.

— Ну, а местом как на это смотреть? — А-а, там сидят труссы и перестраховщики...

— А в партийную организацию вы обращались... — Там секретарем подкалмил...

— Так пойдите в министерство... — Вышли. Все они одинаковы... — Ну-ну, право, не знаю... Может быть, в суи полить?

— Подкавали. Толку что...

Они подавали не только в суд своих знакомых, но и в Верховный, однако, по их мнению, и там не разобрались. Они обращались в руководящие партийные и советские органы, но, по их словам, не нашли там никого, кроме чертовых душ...

В первом часу ночи мне удалось из мутного потока ругательства вынуть «пустынный» факт: супружескую пару озабочили за несоответствие занимаемому должностям, попросту говоря, за непригодность. И непригодность эту, или, delicatno выразась, несоответствие, подтвердили все организации, разбиралось их заявление, и все организации рекомендовали подыскать неудавшимся ученым другое, послынное им занятие.

Но вся беда была в том, что подтвердил-то не сразу, а спустя несколько лет, после многочисленных проверок и с многочисленными оговорками, вроде «хотя и не имеет формального права, но располагает некоторым опытом» или «хотя и не знает предмета, но при известных условиях мог бы овладеть им в процессе работы».

И еще беда была в том, что не этим людям, незнанию как попавшим в научное учреждение, рекомендовали подыскать для себя подходящее занятие, а учреждения, которые вполне резонно старались поправить ошибку и избавиться от них, предписывали заняться их трудоустройством. И эти формулировки-типушки, эта болезнь называть вещи своими именами и сделать из явного факта определенной и четкие выводы давали семей-ному паре, пролезшей в науку, право все шире расставлять свои когти, растаскивать им тут и эгих, дабы самим удержаться на теплом местечке возможно дольше.

В НАШЕМ социалистическом обществе, где действует мудрый и справедливый закон: от каждого по способностям, каждому по труду, — нет и не должно быть ходу нагличам, ловкачам и пролазам.

Нало сообща, дружно выступать против «острых локтей», где бы они ни толкались — в быту, на производстве, в науке, искусстве, литературе. Одних притеснить прямо в очереди, других обустраивать на собраниях, третьих «спробовать» в газете, четвертых пригласить на товарищеский суд, пятых выселить в киножурнал, шестых... Да, если ли форм воздействия можно найти, если только захотеть, если только захотеть!

Борьба за наведение порядка в нашем светлом доме, общественности бросила клич: «Не проходите мимо!» Мы видим, какие прекрасные результаты приносит

Спасибо, — сказал он. Я вообще не большой любитель, и подавал он с некоторой слаженностью в голосе и взглядом на невесту. И снова ему показалось, что в зале на мгновение стало светлее от ее глаз. Нет, он, правда, никогда таких глаз не встречал, таких блестящих, освещающих все вокруг себя, таких веселых и праздничных. Неужели никто, кроме него, не замечает сейчас этих глаз?

— Позвольте, я вам налью, Иннокентий Егорыч, — говорил невеста и берет за тонкую ножку его порочный бокал. И наливая в него такое же золотистое вино, как ее волосы.

А Шумаков опять кричит: — Горько!

«Вот дьявол какой», — сердится Торопов.

— Ну уж, — опять засмеялся она. — Нет, серьезно, — желая побороть собственную робость, с некоторой развязностью сказала Торопов. — Я таких еще, можно признаться, не видывала. Честное слово...

И после этого слов он почувствовал облегчение. Теперь, когда все утихло, он уже стал спокойно разглагольствовать. Правда, не в упор, а как бы из-под укрытия, из-за высокой вазы с яблоками и виноградом. Он разглагольствовал и ее глаза то ли синие, то ли серые с синевой, и чистое белое лицо, чуть тронутое нежным румянцем, и высокую, естественно высокую грудь, неплотно обтянутую белой шелковой тканью...

— Горько! — кричал Шумаков с того конца стола. И за ним закричали многие.

Николаев с улыбочкой и точно нехотая ленивым движением поднял руку, несильно обнял невесту, притянул к себе, мельком взглянул в ее вспыхнувшие лицо и, как бы выбирая, куда поцеловать, поцеловал в сощные, выпуклые губы.

Снова захлопали в ладоши. Торопов отчего-то снова сконфузился и опустил глаза. Николаев сразу вдруг сделался противным. — Нет как бы, наконец, надо целоваться с такой женщиной. И вообще, пожалуй, не надо было бы целоваться при людях. Глупый это обычай — целоваться на свадьбе».

— Опять горько, — кричал Шумаков же. — Горько и горько. — Торопов видел, как Николаев во второй раз протянул руку. Но как жених поцеловал невесту, Торопов не видел, не хотел видеть. Он лишь услышал, как жирно чмокнули губы. И в нем шевельнулось вдруг почти враждебное чувство не только к Николаеву, но и к невесте: «Неужели ей самой-то не совестно вот так, при всех, тут целоваться, хотя бы и с собственным мужем?»

— А вы, я вижу, ничего не пьете... Торопов не сразу понял, что это к нему обращается невеста.

— Спасибо, я уже выпил. Я вообще не большой любитель, и подавал он с некоторой слаженностью в голосе и взглядом на невесту. И снова ему показалось, что в зале на мгновение стало светлее от ее глаз. Нет, он, правда, никогда таких глаз не встречал, таких блестящих, освещающих все вокруг себя, таких веселых и праздничных. Неужели никто, кроме него, не замечает сейчас этих глаз?

— Позвольте, я вам налью, Иннокентий Егорыч, — говорил невеста и берет за тонкую ножку его порочный бокал. И наливая в него такое же золотистое вино, как ее волосы.

А Шумаков опять кричит: — Горько!

«Вот дьявол какой», — сердится Торопов.

Павел НИЛИН

Первая любовь Иннокентия Торопова

У САМОГО входа, за длинным столом, было три свободных места. Шумаков сразу же занял крайнее. Торопов с Семвой усаживались рядом с ним, но Николаев запротестовал. Он повел Торопова к другому концу стола, где сидела невеста.

— Как же можно, Иннокентий Егорыч, — говорил Николаев. — У меня на свадьбе, и вдруг вы поместитесь где-то у черта на куличках. Нет, так не пойдет...

Невеста сидела, опустила глаза и чуть покрасневшая. Может быть, что-то тут неосторожно пошутил, как это бывает на свадьбах. Или просто может быть, ей взгрустнулось, как тоже бывает с невестами. Во всяком случае, она не обратила внимания на их жеманство, ни на Торопова, приближившихся к ней. И только тогда Николаев потрогал ее за плечо и сказал: «Торопов, это же Иннокентий Егорыч», — она вскинула голову в пыльном обрамлении золотистых волос, будто ослепила Торопова ярким, сильным, удивительным взглядом широко открытых глаз.

Торопов зажмурился. А затем ему показалось, что в зале стало светлее. Разве бывает так, что от взгляда одной женщины в зале вдруг становится светлее?

— Очень рада, — сказала невеста и как ученица, пристала. Голос ее зазвучал с какой-то сдержанной, песенной силой. — Очень рада, Иннокентий Егорыч. Мне Борис очень много рассказывал о вас...

Торопов почему-то покраснел. И сам почувствовал, что краснеет все сильнее. Тотчас же нахмурился, сдвинул кустистые брови, словно озабоченный из самого себя, обнаружившего столь неожиданную чувствительность.

Так, нахмурившись, он позорился с Подуззовым и Моисеевким, протянул им через стол смуглую, сухую руку. И не ответил, не успел, не смог ответить на какую-то шутку Подуззова насчет его подозрительного опоздания.

Все засмеялись по поводу этой шутки, а Торопов сидел, как будто не существовал. Он сидел там, где сидел, но как будто не существовал.

Оночание. Начало см. «Литературную газету» от 18 апреля.

УТВЕРЖДЕНИЕ ГЕРОИКИ

К 50-летию Вадима Кожевникова

ОСЕНЬЮ 1945 года, в первые дни освобождения Маньчжурии, мне довелось встретиться в Шаньинь солдаты легендарной Народной-освободительной армии Китая. Из районов на которые многие годы базировалась армия, части эти совершили почти тысячекilометровый марафон, проехав в день до 100 километров. Бойцы двигались без ночных привалов. Разбившись на тройки, они поочередно спали на носилках: один спит, двое несут, потом его место занимает другой, а отдохнувший становится к носилкам и т. д.

Л И Т Е Р А Т У Р Н Ы Й П У Т Ь

Вадима Кожевникова началось в 1929 году. Это была знаменательная пора. Время пробуждало от советской литературы утверждения в качестве основного героя эпохи такого человека, для которого подвиг — не нечто особенное, из ряда вон выходящее, а норма поведения.

В Кожевников сразу же встал на главный, магистральный путь нашей литературы. Он писал о людях, которыми гордилась страна, о трудовой славе рабочих, колхозников, но больше и, пожалуй, ярче — о героике военной: о боях гражданской войны или о пограничниках. Так появились его довоенные рассказы «Большое небо», «Каша», «Школьная история» и другие, повести «Стенной поход», «Грозное оружие» («Мальчик с окранными»).

В ПИСАТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

★ СЕМИНАР МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ СИБИРИ. В Кемерове вчера начал работу творческий семинар молодых прозаиков и поэтов Кемеровской и Томской областей, созданный решением Союза писателей Российской Федерации.

Семинар открыл первый секретарь обкома партии С. Пилипец. С разбором последних номеров альманахов «Огни Кузбасса» и «Томск» выступил член правления Сою писателей РСФСР С. Залыгин.

★ ПРЕЗИДИУМ ПРАВЛЕНИЯ Московского отделения Союза писателей РСФСР образовал комиссию по литературному наследию П. Замосского под председательством С. Треуба.

★ В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА состоялась встреча молодых рабочих с литераторами.

Мы решили нанести ответный визит писателям, оказавшим технологическую помощь предприятию завода Сабир Атаев. Просим вас починить быту у нас на входе, больше писать о борьбе за выполнение семилетки...

Тепло и задушевно прошла эта беседа молодых рабочих с литераторами. В ней приняли участие писатели Мехти Гусейн, Абдулгасан, Ильяс Эфендиев, Осман Сарыбевли, Ахмед Джамиль, Наби Бабаев и другие.

Торопов не успевает передохнуть после объятий Николаева, как его лицо и шею окутывает нежное тепло молодых рук невесты, пахнущих водой и ветром, и свежим сеном, и еще чем-то невыразимо прекрасным. Они сдвигают его до умопомрачительного духоты, эти руки, со всей щедростью зацветающей молодости невеста целует его прямо в губы. Целует и шепчет, отдавая горячим дыханием:

— Я ревную Бориса к вам. Он все время говорит о вас. Он, наверно, вас любит больше, чем меня.

— Ну, что вы, — только и может выговорить Торопов, ошеломленный и бессиленный, обесилый вдруг до дурноты. Вот он сейчас упадет, как оббитый волной внезапных сильных чувств и больше не встанет.

— Ты слышишь, — хохочет на той стороне стола Шумаков, — хочешь на той стороне стола Шумаков, как падает. И словно издает слышишь смех и голос Шумакова:

— Если бы меня, например, кто-нибудь так поцеловал, я бы, е-богу, на всю жизнь запомнил...

— Я тебе поцелую, — несердито грозит жена Шумакова, сухонякая женщина в не по возрасту цветастом платье.

Торопов, однако, и после поцелуев, распространивших сердце, не стал веселее. Он сидит, опустив голову. Глядя со стороны, можно было подумать, что он дремлет или обдумывает что-то на редкость трудное, сложное. А в уши ему вливался со всем шумом свадебной бестолочи настойчивый рассказ Вышивалова.

Вышивалов сидел рядом с Тороповым, но порой казался, что он где-то далеко. Голос скакал, как отдаленный, то приближался, то разомлал вовсе. И снова журнал, подобно горному ручью, пробивавшему свой трудный путь среди камней и мерно шелестящего леса:

— Или возьмем один случай в Каире. На аэродроме жиние рабочие, словом, египтяне, катают тележки. Все время молчат. А мы тут же стоим, разговариваем между собой. Ну, понятно, на русском языке. На каком же языке может еще разговаривать? Вдруг к нам подходит один рабочий и вот, не хуже, как может один рабочий, хочет объять меня. Потом для чего-то старожил оглядывается и уж только жмет руку, когда что говорит очень радостно: «Сталинград, Порт-Санд». Одним словом, можно так понять, благодарит нас за то, что мы их выручили в тяжкий час. Ну понятно, что я немного растерялся. Я же не посол и не какая-то фигура. Но поскольку он меня приветствует, я, конечно, его тоже от моего сердца приветствовал...

— Ага, — наконец сообразил Торопов, — это значит, у него такой маршрут был в Иерусалим, — через Рим, Каир... А я так нигде и не

Новые стихи

Александр ПРОКОФЬЕВ

МНЕ БЫ ТОЛЬКО...

Мне бы только песенку начать,
Чтоб на ней была моя печать!

Именная, друг, пойми,
Именная, черт возьми!
Именная, черт возьми!
Я на все свое письмо
Ставлю личное клеймо!

Мне, дружок мой, нравится,
Когда слово плавается,
И когда оно поет,
Жаром строчку обдаст.

Чтоб слова от слов зарделись,
Чтоб они, идя в полет,
Вылились, бились, чтобы пелись,
Чтобы елись, будто мед!

Мне бы только песенку начать,
Чтоб на ней была моя печать!

У МОРЯ

У меня на душе, будто друга обидет.
Будто втайне, ему не скажет,
Сколько я потерял, долго моря не
Рокот моря не слышал, почти позабыл.

Как давно я не видел, когда оно
Выгибает могучую спину, что кит,
И на ней пляшет ветер и солнце
И довольное море лишь пеной кипит.

А когда оно в гнев стог вздымает
Вырывает, ярься, камни, гилу,
Добеда накаленные молнии гаснут,
А оно только волны сдувает с усов

И сливается с небом, и черные кони
Мчатся с молнией в гнизах, грывая
Только стон раздастся от дальней
Черно-синее море, а шапка белая!

ВЫШЛИ В СВЕТ...

Асеев Н. Самое лучшее. Книга стихов. «Молодая гвардия». 303 стр. 5 000 экз. 8 руб. 53 коп.

Молесенин Л. Матросский комиссар. Рассказы. Одесское областное издательство. 47 стр. 15 000 экз. 80 коп.

Парфенов А. Когда приходит любовь. Повесть. Калининское книжное издательство. 170 стр. 30 000 экз. 4 руб. 10 коп.

Случин В. Время Стихи. «Молодая гвардия». 128 стр. 5 000 экз. 3 руб.

Шолохов М. Они сражались за Родину. Главы из романа. «Молодая гвардия». 281 стр. 95 000 экз. 4 руб. 80 коп.

Шушанов И. Ветелье. Из жизни рабочих Запорожского завода в первой половине XIX века. Свердловское книжное издательство. 148 стр. 15 000 экз. 3 руб. 65 коп.

Я вернулся еще к тебе, Россия! Стихи из блохоты, найденной в кондитерской Запорожья. Издательство газеты «Красная звезда». 63 стр. (Библиотека «Красной звезды»). 1 руб.

Виталий ТАТЬЯНИН

КУРСКАЯ ДУГА

Здесь Шаладин в грозном шорохе

Вел свой танк горящий на врага!
Ты спроси, и скажу тебе дети,
Что такое Курская дуга.

И могла, что хранится свято,
Здесь видна любому за версту.
После боя крепко спят солдаты,
Одного оставив на посту.

И стоит он, усталый не зная,
Не сомкнув очей, стоит всегда.
Перед ним цветет весна степная,
А под ним в глубин пастьвов руда.

Так стоит он с верным автоматом
Много вестей, много лет подряд...
После боя крепко спят солдаты,
Отстояв страны заветный клад.

Автор этих стихов — геолог, работающий в районе Курской магнитной аномалии.

КРАЙ СТЕПНОЙ

На путевке выдано четко:
«Дать квартиру». Подписи и число.
Я в степи глухой иду со свертком,
В нем палатка. Вот ведь повезло!

У тропы колодец кем-то вырыт...
Принимай хозяйство, человек!
Написали в госте: «Дать квартиру»,
Где дома не строились веков.

Пусть пока пустырь с травой сорной...
Мы обстроим этот край степной.
И рюкзак с рудой перевозной
Подтверждает сказанное мной.

ЗДЕСЬ БЫЛ НАПИСАН «РАЗГРОМ»

ПОЧТИ три года жил и работал в Ростове-на-Дону А. А. Фадеев. Заведующий отделом партийной жизни Красной газеты «Советский юг», он был одним из руководителей молодой писательской организации, редактором литературного критического журнала «Лаб», Ростовский период занимает особое место в творческой биографии писателя — здесь им был написан широко известный роман «Разгром».

У дома по улице Шаумяна, 33, собралось на доклад писатели, молодые авторы из литературного объединения «Дон», журналисты и читатели. Со стороны митинг, посвященный открытию мемориальной доски, на котором Фадеев выступил с докладом о работе управления культуры В. Тарарай и старшей доносил писатель П. Мамисов, работавший вместе с А. Фадеевым.

Падает покрывало, и взору открывается мраморная доска, на которой золотыми буквами начертано:

«Здесь в 1924—1926 гг. работал в редакции газеты «Советский юг» писатель Фадеев Александр Александрович (1901—1936 гг.).
Проживая в этом доме, он написал известный роман «Разгром».
РОСТОВ-НА-ДОНУ. (Наш корр.)

О простоте и примитивности

Ираклий Абашидзе

Уважаемый Ираклий Абашидзе! Я разделяю Вашу удовлетворенность тем, что наша литературная пресса, особенно за последнее время, стала чаще предоставлять свои странички для споров между литераторами. И также поддерживаю Ваши высказывания о недостатках нашей лирики. В отличие от Вас, я, молодой, не имею право принимать активное участие в обсуждении вопросов жизни нашей литературы. Я очень молодой поэт, мои стихи еще почти никому не известны, но, однако, я уже в состоянии дать рецензию на любое литературное произведение.

И вот как раз мне предоставляется возможность высказать свои мысли в отношении Вашей статьи «Сердце нести высоко».

Дорогой Ираклий Абашидзе! Когда Вы писали эту статью, Вы забыли о самом главном, о самом важном вопросе нашей литературы — о чистоте языка.

Вы затрагиваете вопрос о народности поэзии. А задумались ли Вы над тем, как Вы написали статью, доступна ли она? Все ли в ней поймут читатели? По моему, нет. Вы отступили от простоты языка в своей статье. Вы наполнили ее иностранными словами: аскет, иллия, артистизм, герметизм, конформизм.

...Было б очень хорошо, если бы Вы вместо слова: «аскет» употребили — люди, отказывающиеся от удовольствия; «артистизм» — жизнерадостность, бодрость, вера в будущее; иллия — жадность людей в приукрашенном, слащавом виде; «конформизм» — подобный, подражающий и т. д.

Вы забыли то, что народ любит те произведения, которые развлеканы автором до мельчайших частичек, и чтобы, когда проглядишь эти развлеканное, на языке осталась вкус прологического...

Александр ВОЛКОВ

г. САМБОР, Дрогобычская обл.

В № 8 «Литературной газеты» за 1959 год была помещена статья грузинского писателя Ираклия Абашидзе «Сердце нести высоко».

Сегодня мы публикуем (с некоторыми сокращениями) письмо читателя А. Волкова по поводу статьи И. Абашидзе и ответ писателя.

А. Волкову

Дорогой товарищ Волков! Редакция «Литературной газеты» предоставляла мне возможность публично ответить читателю, откликнувшись на мою статью. Я выбрал Ваше письмо, хотя многие утверждения из него я считал наивными и неверными. Но мне показалось, что мой ответ на Ваше письмо может представлять интерес не только для Вас, но и для других молодых литераторов и читателей.

А кроме того, эти проблемы давно уже волнуют меня самого как писателя.

Прежде всего относительно того места письма, где говорится о чистоте литературного языка. Вы глубоко правы, говоря о необходимости бороться за чистоту литературного языка. И если Вам в будущем придется трудиться на литературном поприще (да и не только на литературном), всегда боритесь за чистоту языка, великого и могучего русского языка, ставшего ныне мощным средством связи людей разных народов.

Возможно, Вы правы и в том, что в моей статье можно было бы обойтись без слов «конформизм» или «герметизм», хотя это распространенные сейчас за рубежом термины. В конформизме (приспособленчестве) обвиняют западные писатели нас, советских поэтов. Трудно, отвечая им, обойтись без этого слова.

Что же касается возможности использования распространенных, вошедших в русский язык иностранных слов, то это, право, не страшно. Вряд ли можно приветствовать Ваше стремление изгнать из литературного языка такие слова, как «аскет» или «илюция». Вряд ли нужно находить им наивные соотвествия, да еще не совсем верные и тонкие, как у Вас в

Дружеские шаржи и эпиграммы

«Я» Илье Сельвинскому

Мне кажется, что я живу на свете
Давнее даиного... Тысчелетие...
И. Сельвинский, «Сонет».

Я видел всех — Чингизов и Мамаев,
Ушедших в исторический туман,
Я — знаменитый Барто Уляев,
И, несомненно, Рыцарь Иоанн!

Я — самый многогранный из поэтов!
И часто, глянув в зеркало, друзья,
Я думаю: скажите, кто же это?
Я иль не я! Илья иль не Илья!

Артистическими странствиями бредя,
В пушторговские эзидя я края...
Вы знали «Улку, Белого Медведя!»
Лохматый Умка — это тоже я!

Какой я рост имею! Испониский!
А кто я по профессии? Поэт!
Мне кажется, что я — Илья Сельвинский
И что живу я миллионами лет!

Б. БЕЖУН
Дружеские шаржи А. Соколова

Борису Полевому

Он в творчество вложил весь пыл,
Всю широту своей натуры;
Его роман «Глубокий тыл» —
Передний край литературы.

Евг. ИЛЬИН

Илье Сельвинскому

Великий Левин неустанно повторял,
Что наш трудовой народ заслуживает
Большого нашего искусства. Сейчас
наш читатель — творец семилетки
будет особенно неспиритири и тому, что
будет его пичка... эстетическими «подачками». Нужна литература, заставляющая
много и глубоко думать — как автора,
так и читателя.

Ираклий АБАШИДЗЕ

побывал. Хоть бы раз съездить за границу, поглядеть, где как живут. Неужели же я вот так помру и нигде, нигде не побываю — ни в Индии, ни в Каире? А люди едят и смеются, и думают обо всем. Уж на что Вышивалов, и тот вон куда проехал, пролетел и сам сознает, что не послал. А я так вот тут всю жизнь топчусь, а потом глядешки...

Эту грустную мысль прервал Моисеенко: «Ты смотри, Ниночекити Егорчик, твой naslednik-кто это делает? Воздух хлещет, как молоко...»

Торопов встревожился. Правда, Сэмка-то там сидит один. Не написали бы мальчишка. Однако Торопов не сразу встал, не сразу подошел к сыну, а чуть помедлил, как требовали приличия и солидность. И, подойдя к сыну, не упрёкнул его, а сказал, как равным равным:

— Не пора ли, Семан, нам пробираться к дому. Все равно, однако, все вино мы тут не выпьем...

— Да я и не пью вино, — отозвался Сэмка. — Что я, дурак, что ли. Я ситро пью.

— Ну и ладно, — похвалил отец. — Если не возражаешь, пойдем домой. Погуляли и хватит! И даже Сэмка заметил, что голос у отца отчего-то печальный. Уж не обидел ли ты тут его?

— Пойдемте, батя, я готов, — вылез Сэмка из-за стола и оправил свитер, потянув его спереди и сзади.

— Ты домой, вроде, собрался? — спросил Подузов Торопова. — Погоди, я тоже сейчас поеду. Я тебя подвезу...

На лепном балконе над залом зазвучала музыка: скрипка, баян и еще одна скрипка. Назвались танцы.

Николаев, высокий, стройный, от черного костюма завысивший особенно стройным, бережно взял свою невесту за талию, как бы чуть приподнял ее, повел от стола, уже упруго переставляя ноги, как полагается в танце. А она положила ему одну руку на плечо, другой чуть заметным движением тронула белое платье, принакла к жениху и как поплыла, едва касаясь навоюющего пола.

«Лебедь беляя. И в песне точно так поется. — подумал Торопов, искоса взглянув на нее. — Бывает же на свете такие люди. И веселая, и ласковая, и культурная, и протаяя...»

Вдруг она откинула золотистую голову, словно запылавшую под большой хрустальной люстрой, увидела Торопова и спросила с искренним, конечно, с искренним, сожалением:

— Вы уходите? А я собиралась с вами танцевать...
— Успеем, еще станцует, — пообещал Торопов с внезапной, неожиданной для себя лихостью.
— Чтобы не мешать танцующим, он прошел к

сыном в глубинку зала, где можно было пододвигать Подузова, задержавшегося у стола и заспорившего о чем-то с Шумаковым.

Нечаянно Торопов опять остановился у портрета Менделеева и, взглянув на портрет, подмигнул Сэмке:

— Стало быть, все-таки считаешь, что я на него похож? — засмеялся Сэмка. — Не сильно, но похож. — И вымышленно поглядывая на отца, глубокомысленно добавил: — Вас, батя, борода портит. Кабы не борода...

— Ну, что ж, — вздохнул отец. — Борода тоже для дела нужна. В ней зимой теплее.

Иза-за колонн вышел заметно рассерженный Подузов. За ним шел Шумаков и о чем-то настойчиво говорил, поднимая руку, как на трибуне. Подузов вынул из кармана платок, поднес его к лицу, хотел было, пожоже, выморкаться, но раздумал и сердито отмахнулся платком от Шумакова. Потом платком же подолав Торопова.

В автомобиле Подузов долго, насупясь, молчал. И еще молчали. И только почти у самого дома Торопова Подузов вдруг хлопнул ладонью по спине сиденья и сказал:

— Ты слышал, что Шумаков заявляет? Будто это я потворствую Куканову. Будто я чуть ли не посоветовал ему бросить жену с детьми и сойтись с этой крашеной лаборанткой... как едучи с тобой, с Жюлькиной Марией. Вот люди! Да я бы и Куканова, и эту Жюлькиную Марию — оба бы связал одной веревкой и хоть завтра же ушел в лес. Чтобы они не растащили и не подавали пример. Ты знаешь, что он удумал, Куканов? Он удумал, — Подузов поклонился на Сэмку. — Хотя не хочется говорить при молодежи. Раню им еще это знать...

— А что особенного-то? — тоже взглянув на сына Торопов. — Все равно они в свое время все узнают. Да и теперь, наверно, догадываются. Я больше того считаю. Надо детям, которые постареет, даже в школе рассказывать, какая она бывает, семейная жизнь, и какая должна быть по-настоящему, если брать по-человечески. А то что получается? Другой и алгебру, и геометрию знает, прочел все десять классов или даже институт закончил, а что такое, допустим, семейная жизнь, не знает. Не имеет даже никакого представления. А откуда получается хаос и ерунда, как вот теперь с Кукановым...

— У Куканова эта Мария уже четвертая, — внезапно встал свое слово все время ерзающий на сиденье Сэмка. — Верно, верно, — закивал он. — Это сейчас на свадьбе говорили... — Вот видишь, — сказал Подузов Торопову. — Уже все от этого говорят. Широко обсуждают. А Шумаков все шлет выношати, когда надо принимать какие-то срочные меры, Ну, бываете, завтра поговорим, — оборвал разговор Подузов.

говор Подузов, потому что автомобиль затормозил у дома Торопова.

На следующее утро Торопов проснулся раньше, чем обыкновенно. Привычно протянул к кровати руку, нашарил в полутьме на стуле круглое тело будильника, поднес к глазам, прищурившись. Без четверти пять. Рановато. Но спать уже не хотелось...

Где-то он читал или слышал, что старики мало спят по ночам оттого, что хотят продлить свою жизнь, не хотят терять времени. Может, оно и в самом деле так. Может, и в самом деле наступает старость и в положенные сроки приходит бессонница.

Торопов высовывал из-под толстого ватного одекала ноги, постобил их на телячью шкуру возле кровати и, глядя в мутную синеву за окном, задумался.

Из синевы медленно выступили сперва огромная кирпичная труба, потом черные—черные темноты — туловища домов и каулеров и, наконец, многооконые, недавно выстроенные жилые корпуса.

«Глупо, — мотнул головой Торопов, будто сейчас только ему открылась истина, — глупо, что строи дом так близко к заводу. Не думаю про людей. Не забтотимся, чтобы воздух для дыхания был хорошим. Места сколько угодно. Кругом лес. А мы все ленимся в одну кучу, поближе к заводу. Одна только радость, что на работу идти недалеко...»

На кухне он долго мылся под краном, растярав мокрыми холодными ладоными волосатую грудь спину до самой поясницы. Но вода почти не освещала его.

Хмурый, недовольный, глубоко расстроенный чем-то, он вернулся в теплую духоту спальни, где на деревянной кровати все еще спала его жена, подтянув под себя и тот край одекала, которым только что укрывался, лежал рядом с ней, Торопов.

Чтобы не потревожить жену, он нетвердо ступая, прошел к окну, снял со спинки стула рубашку. Нет, это не та рубашка. В таких на работу не ходят. Но Торопов все-таки держал ее в руках, и от нее, словно ток, вдруг прихлынула к его сердцу радость.

В этой рубашке он был вчера на свадьбе. И хотя свадьба не совсем понравилась ему, воспоминание о ней вдруг взбодрило, обрадовало его, наполнило горячим волнением.

Он слегка отодвинул занавеску на окне и снова взглянул на улицу, где в поредевшей синеве рассвета уже четко обозначились здания, и голые бульварные кусты, и каменный забор завода.

Мимо этого забора он ехал вчера вестером на свадьбу. Потом началась свадьба. Потом... Что же было потом? Потом...

Будто сильный озноб прохватил все его не по-стариковски сильное тело, когда он вспомнил, как невеста нежданно-негаданно объяла его крепко-крепко и поцеловала прямо в губы. Как же он не сразу вспомнил это? Ведь это и было самое главное из всего, что произошло на свадьбе.

— Батюшки, до чего же она хороша, — как-то жалобно и жарко пропеллал Торопов, будто молился богу, глядя на восток. И тяжело вздохнул.

Женщина эта, незнакома, непонятна, чужая, опять возникла перед ним в бледной синеве заоконья. И он опять увидел лунчистые, насмешливые и ласковые глаза ее и руки, белые, мягкие, душевные, и что-то светлое, летучее, что окутывало ее плечи и грудь и чуть касалось лица. Это был шарф, такой нежный, газонный.

— Батюшки, — снова выдохнул Торопов и осторожно задернул занавеску.

Но занавеска завенела кольцами по металлическому пруту. В то же мгновение за спиной Торопова грузно заскрипела старинная дуспеальная деревянная кровать. И заспанный голос позвал:

— Кеша!

Торопов не откликнулся. Он словно застыл на месте, будто его застали за нехорошим занятием.

— Ты чего не спишь, Кеша? — спросила жена. — На работу пойду, а вы уже спали.

— Мне сегодня паранье надо... — Ой, а я-то, дура старая, лежу, — заторопилась жена. — Ведь тебя корнить надо. — Не надо меня корнить. Спи, я сам чайник согрею. Спи, тебе, что ли, говорят. Я не маленький. Управляйся.

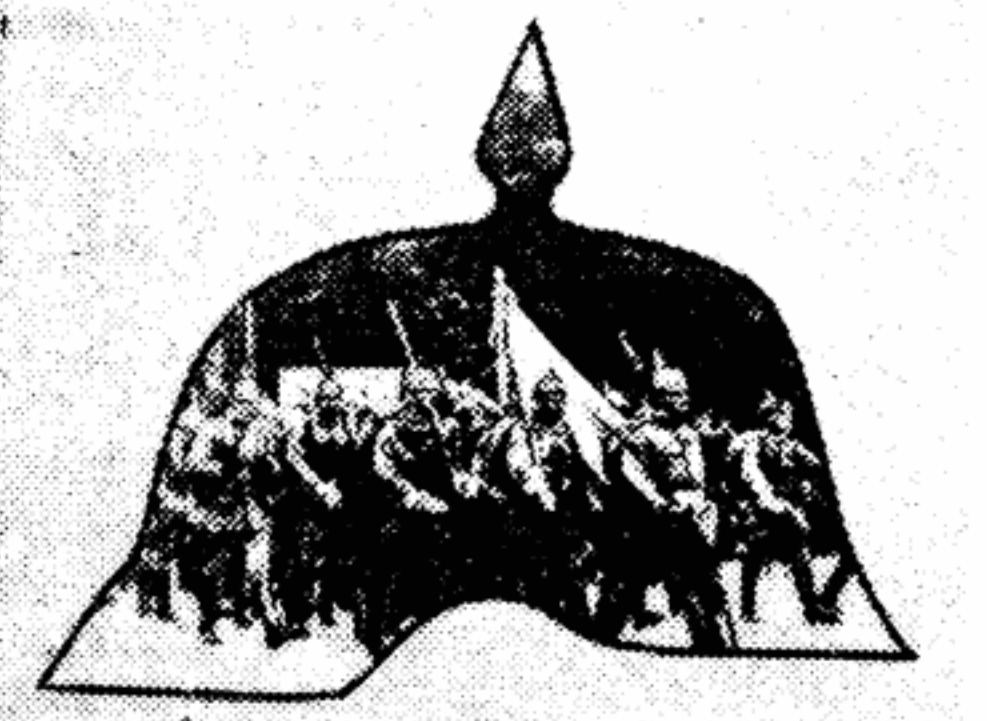
Торопов почему-то не хотелось, чтобы жена сейчас вставала, готовила ему еду. Но она, обернувшись от мужа, уже надевала через голову юбку и говорила торжественно:

— Как же это так — управиться. А я тогда для чего? Нет, уж я сейчас все сделаю. Мы много сделали. У меня картошка сваренная. Я ее только пожарю. Меня осталось от ужина. Я же с Сэмкой вчера на свадьбе накупилась. — Она улыбнулась, застенуча юбку и повернула лицо к мужу: — Я так и не распределила тебя, каково же там было, на свадьбе? Весело ли? Расскажи...

— Некогда мне рассказывать. Нечего. — Уж больно ты какой-то скупнойный явился со свадьбой-то, — говорила жена, запынная в рот шпильки, перед тем как закубить ими (Окончание на 4-й стр.)

Тень Геббельса над Западной Германией

Я ВСТРЕТИЛСЯ с ним после долгой разлуки. Это был мой друг по дивизии, в рядах которой 22 июня 1941 года мы приняли первый удар врага. Друг стал неузнаваем. Не потому, что постарел почти на двадцать лет. Просто у меня в гостях сидел обыкновенный, мирный русский человек, занятый любимым делом, от которого на время он оторвался от войны. Сейчас он приехал в Киев из далекого Чингента — приглашать украинских хлестоборов на новые земли Южного Казахстана.

Армия Вильгельма

— Ты даже представить себе не можешь, какой цветущий скоро станет наша область! — говорил он. — Верю, верю, Василий!.. А помнишь?.. И как всегда бывает с бывшими фронтниками, давно не видавшими друг друга, разговор ушел нас в прошлое. Мы вспомнили, как на украинский городок на рассвете памятного дня посыпались фашистские бомбы.

— Нам не верилось, — заметил Василий, — что уж началась война. Подлый, предательский удар! — А вот послушай, что говорят по этому поводу боинские историки. Я раскрываю пособие по истории для реальных училищ и средних школ ФРГ, и прочитав следующие:

«В этой войне Гитлер надеялся не только обезопасить немецкий народ от коммунизма, но и завоевать земли для поселения. Гитлер думал, что Сталин скоро начнет войну против Германии. До сих пор не выяснено, были ли эти его опасения справедливыми».

— Вот уж поистине бесстыжие фальсификаторы! — возмущился мой друг. — А что ты скажешь об издателе боинского солдатского календаря — «Зольдатенкалендер 1959»? Война между Германией и Советским Союзом фигурирует в этом календаре под рубрикой... «Большевистская агрессия». Вот оно как!.. Но вернемся к «учебнику».

Мы перелистывали «Живое прошлое», от которого разлило мертвенной, и все больше убеждались в одном: милитаризация воспитания маленьких граждан боинского рейха начинается со школьной скамьи. «Пособие», по которому в западногерманской школе изучают историю, не ограничивается фальсификацией событий, известных всему миру. Оно совершенно открыто восхваляет нацизм. Вот как изображают боинские просветители «пришествие» фюрера: «В 1933 году в власти приходит тот человек с железной рукой, который так мужественно дал отпор красным и выразил готовность восстановить порядок и всеобщую занятость внутри страны, могущество и величие рейха на международной арене».

— А фамилия доктора Геббельса нет на обложке? — спросил Василий.

Вермахт Гитлера

— Никогда не осуждайте поступки солдата. Солдаты не должны иметь забот. Вы обязаны дать им все, чего они хотят. Позвольте им пить, позвольте им целовать. Кто знает, как скоро придется им умереть!

— Выспрание, однако довольно прозрачно, — усмехнулся мой друг. — Легко представить, как освещаются в этом календаре исторические события! Мы внимательно просматриваем список «памятных дат». Тут со скрупулезной точностью зафиксированы все исторические «дела»: от введения путевое регламента Фридрихом Великим в 1764 году до «Фрэндренга» медали за борьбу с партизанами в 1944 году. Зато ни одного слова не сказано о Сталинградской битве.

— Видишь ли, она не может послужить для молодых немцев «доблестным примером» и никак не согласуется с «духом обязывающих традиций», — сказал я своему другу. — Напоминание о печальной судьбе 330-тысячной гитлеровской армии, попавшей в сталинградский «котел», как кур во щи, может отрицательно повлиять на боинских воинов...

Кто сочинил эту песню смертников? Может быть, тот самый Ганс Бауманн, который еще двадцать лет назад кропал: «рабойно-военные вишни, а ныне подвизается в этом же жанре в «Зольдатенкалендер»? Специально для этого календаря, призванного воспевать идеи реваншизма, он написал новые стихи: «Первое, что выпало нам на долю, — слушать, оставаясь безымянными, последние, что нам остается, — умереть вдалеке за то, что мы любим». Умножением этого «барда» нисколько не изменились. Он поет все те же песни и надеется, что их подхватят солдаты бундесвера, которых готовят к атомной войне.

Немало места отводит «Зольдатенкалендер» немецким добровольческим отрядам. Этому посвящен специальный раздел, который, как и весь календарь, выдержан в духе злобной фальсификации. Здесь не проводится никаких различий между участниками освободительной войны немецкого народа против наполеоновского ита и реакционными «добровольческими отрядами», зверски расправлявшимися с революционным движением в Германии после первой мировой войны. Убийцам Карла Либкнехта и Розы Люксембург возносится хвала, как «спасителям родины». Вечески прославляются и генерал-палач фон Лютвиц, фон дер Гольц, Леттов-Форбек и фон Ваттер.

В «Зольдатенкалендер» на тридцати одной странице опубликованы имена руководителей и названия около 1 250 солдатских реваншистских объединений.

Бундесвер Аденауэра

Судя по всему, — сказал Василий — свобода слова в новом рейхе означает полную свободу реваншистской пропаганды. И все-таки боинским ученикам Геббельса, — заметил я, — не удалось околпачить миллионы немцев. Они слишком хорошо понимают, чем кончилась для них завоевательные походы фюрера. Надо полагать, что «холодная война» тоже не очень по душе немцам. Недаром Аденауэру приходится оставлять пост канцлера! Многим в Бонне следует над эти задуматься...

Президиум Ассоциации прогрессивных писателей Цейлона на своем заседании одобрил резолюцию, где он «приветствует предстоящее совещание министров иностранных дел, которое должно состояться как предвестник совещания глав правительств. Появляется луч надежды, пробивающийся через темные тучи войны. Ассоциация прогрессивных писателей Цейлона считает совещание министров иностранных дел первой победой великих принципов переговоров и мирного сосуществования. Истерические и безответственные речи влиятельных политических и военных лидеров Запады, в частности, призывающих к войне высших американских чинов и гитлеровских реваншистов из Западной Германии, ставят под угрозу надежды человечества и усиливают международную напряженность с целью сорвать переговоры между Востоком и Западом.

Ассоциация прогрессивных писателей Цейлона выражает непоколебимую веру в то, что силы мира во всем мире, которым до сих пор удавалось срыгивать агрессивные замыслы мировых империалистов, точно как же сорвут и безстыдные попытки американских военных стратегов и тем самым обеспечат успех предстоящих переговоров. Гонимые ядерными вооружениями, военные базы за границей, двусторонние военные пакты, колониальные войны, вооруженное вмешательство иностранных государств во внутренние дела других стран, вооружение Западной Германии — все это угрожает миру во всем мире. Переговоры между Востоком и Западом должны проложиться путь к тому, чтобы запретить испытания ядерного оружия и уничтожить его запасы, ликвидировать военные базы за границей, уничтожить двусторонние военные пакты, положить конец колониальным войнам и урегулировать проблемы Германии и Берлина. Западные державы не должны пытаться отсрочить свои военные позиции. Силы мира во всем мире, которые одержали первую победу, должны теперь усилить свои усилия и оказать решительный нажим на западные державы с тем, чтобы добиться успеха совещания.

Верна демократическим традициям прогрессивной литературы Ассоциация прогрессивных писателей Цейлона приветствует в своих резолюциях славные народы Африки, героически борющиеся против колониального господства.

— Ты бы в поликлинику сходил, — посоветовал муж. Посоветовал без особого сочувствия, без волнения за здоровье жены. Хотя жена ему вдруг стало жалко, но не потому, что у нее болела поясница, а по какой-то другой, еще не легкой даже самому врачу, причине. Он чувствовал, что надо сказать ей какие-то ласковые слова, но слов таких не было. И он опять повторил, уже впадываясь за свою дверь: — Ты бы, Лиза, правда, сходил к доктору...

Только выйдя на улицу, Торопов снова обрел привычную бодрость духа, — какой всегда ходил на работу. Утренняя прохлада освежила его лицо, тронул шею, встал на разлетающийся шарфом, и как будто разом развеял смутные ощущения, еще секунды назад томившие его.

Как счастливы люди, у которых есть свое дело в жизни! И как, наверно, несчастны те своего нет его, вернее, нет влечения к делу, поглощающему все силы души, приносящему тревоги и радости, огорчения и надежды, и служащему на склоне лет источником постоянного удовлетворения, что ты не напрасно живешь, что ты все время нужен, что тебя где-то ждут, что на тебя надеются, что от дела твоего зависит многое...

У Торопова было такое дело. Он шел по своему делу, уже озаренный предстоящим днем, в котором будут, могут быть и неприятности, и удача.

«Я вполне заслужил свой отпуск»

— пошутил Михаил Шолохов, рассказывая корреспонденту «Юманите», писателю Максвеллу Риффо о том, что перед своей зарубежной поездкой он закончил вторую часть «Поднятой целины» и первую книгу трилогии «Они сражались за Родину».

Это сообщение, несомненно, вызовет живой интерес французских читателей, среди которых немало старых друзей Шолохова, внимательно следящих за его творчеством уже многие годы. Выше двадцати лет тому назад «Тихий Дон» был напечатан на страницах «Юманите». Сейчас готовится новое издание шолоховской эпопеи...

За время своего пребывания во Франции Шолохов встречался с многими французскими писателями, журналистами, общественными деятелями. Встреч с автором «Тихого Дона» организовал Национальный комитет французских писателей. Шолохов ответил на многочисленные вопросы, касавшиеся его творчества и общих проблем советской литературы.

Накануне отъезда Шолохова в Англию прием по случаю его пребывания во Франции устроил посол СССР С. А. Венюков. На приеме присутствовали делегаты французской литературы и искусства, дипломаты, журналисты. Среди гостей были также руководители Французской компартии М. Торез, Ж. Дюкло, Р. Гюйо, Ж. Вермерс.

В настоящее время М. Шолохов находится в Лондоне.

На снимке: Михаил Шолохов беседует с Элизой Триэле и Арагоном во время встречи, организованной Национальным комитетом французских писателей.

«За победу сил мира»

Привет депутату... Ну вот, своими глазами видишь, Иннокентий Егорыч, какая получается мсорубка с трамваем. А в газетке Португалов писал, что имеются достижения с городским транспортом...

Торопов не успел ей ответить. Другая женщина, отделившись от толпы, тронула его за пальто. На руках она держала закутанного ребенка, и рядом с ней стояла маленькая девочка. — Вот одну зову в ясли, а другую — в детский садик. И тут же сама горлохотла на работу. До страсти боюсь опоздать...

— Да вы что, Иннокентий Егорыч, разве не признали меня? Я же Кукунова, Феня. — И правда, не признал, — смутился Торопов.

«слишком много бродяг!»

«слишком много бродяг!»

«слишком много бродяг!»

«слишком много бродяг!»

«слишком много бродяг!»

«слишком много бродяг!»

«слишком много бродяг!»

«слишком много бродяг!»

«слишком много бродяг!»

«слишком много бродяг!»

«слишком много бродяг!»

«слишком много бродяг!»

Время, события, люди...

из международной почты

ОТСТАВКА «БУМАЖНОГО ТИГРА»

УОЛТЕР Робертсон покидает свой пост... На фоне отставки Даллеса исчезновение со сцены восторженного актера может показаться не таким уж важным событием. Но тот, кто знаком со злой фигурой помощника государственного секретаря США по делам Дальнего Востока, — а в Азии с ней хорошо знакомы, — понимает, что это факт знаменательный.

Американская печать именует Робертсона поборником жесткой антикоммунистической позиции в Азии. Однако вряд ли умеренное прилагательное «жесткий» подходит для характеристики: неумоно агресивного курса, оставшегося до последнего момента доктриной Робертсона и Формозы в отношении Китая и Формозы в отношении поддержания постоянных и угрозы военных действий против красного Китая в надежде, что где-то там произойдет внутренний крах?

Робертсон, Да, сэр. Так я думаю. Кудерт. Другими словами, «холодная война», которая ведется под руководством Соединенных Штатов, и поставила угрозу нападению Формозы и других дальневосточных групп при военной поддержке Соединенных Штатов на красный Китай?

Кудерт. Да... Робертсон. В сущности, не означает ли это, что Соединенные Штаты намерены сохранить в течение длительного периода американское господство на Дальнем Востоке? Робертсон. Именно так. Воистину, коротко и ясно! Робертсон отвечал за

«слишком много бродяг!»

«слишком много бродяг!»

«слишком много бродяг!»

«слишком много бродяг!»

«слишком много бродяг!»

«слишком много бродяг!»

«слишком много бродяг!»

«слишком много бродяг!»

Рисунки Н. Лисогорского курс американской политики в Азии. Он оказался политиком штурманом. Сколько крушений потерпела в этой части света американская дипломатия! Политика «непримирения» Китая ничуть не помешала росту его могущества и влияния, зато она принизила большую ущерб престижу США, позаставив их в глупое положение.

Сообщая об отставке Робертсона, агентство Юнайтед Пресс Интернейшнл как бы между прочим замечает: «По всеобщему мнению, Робертсон несет ответственность за неуступчивость США, возражающую против допуска коммунистического Китая в ООН».

Сейчас он занят, как никто другой: выступает с опровержениями, заявлениями, интервью, строчит статьи, в которых утверждает, что его уход не изменит американской политики в Азии. Если бы и считал, что эта политика смягчилась, заявил бы, но не ушел. Но что, если американская общественность, в конце концов, все же вынудит Вашингтон отказаться от неадекватной политики и признать КНР? Что тогда сделает кавалер ордена «Облака и знаменья» Покинчик жмэнг самобуйством?

«слишком много бродяг!»

«слишком много бродяг!»

«слишком много бродяг!»

«слишком много бродяг!»

«слишком много бродяг!»

«слишком много бродяг!»

«слишком много бродяг!»

«слишком много бродяг!»